

Посейдон усмехнулся, и Мелинда ответила ему той же ухмылкой. Он видел в ней материнский инстинкт, но эта ухмылка была адресована только ему. Её глаза, подобные морю, сияли, словно отражая солнечные лучи, когда она была счастлива. — Боюсь, ты его не узнаешь. Он живет в Америке с матерью. Я, видишь ли, моряк, и на суше бываю нечасто. Его зовут Персей Джексон, в августе ему исполнится пять лет. — Мелинда опустила взгляд, но тут же снова подняла его. — Мне нравится это имя, Персей. В мифологии он был сыном Зевса, победил Медузу и спас свою мать. — Посейдон улыбнулся. — Я так понимаю, тебе нравится мифология? — Она кивнула. — Обожаю! В библиотеке есть одна книга, которую мне подарили на день рождения в прошлом году. Библиотекарь очень милая. Она старая, и никто не может её прочитать, потому что она на этом языке, я думаю, она назвала его древнегреческим. Она подарила её мне. Не знаю, верила ли она, что я действительно смогу её прочитать, или нет, но я могу, — сурово заявила Мелинда. — Ты ведь веришь мне, правда, мистер Посейдон? Он усмехнулся, кивнув. — Конечно. А какая твоя любимая часть книги? — Мелинда сосредоточенно нахмурилась. — Хм, часть про Посейдона, Зевса и Аида. Как они решали, кто чем будет править. Я также люблю миф о Персее и Тесее. Я люблю Афины тоже, то, как она родилась, вроде как аккуратно, она умная, и мне нравится её имя. — Глаза Посейдона заблестели. — Это все хорошие детали, — сказал он. Затем он достал из кармана рубашки золотую цепочку с жемчужиной среднего размера на конце. Она переливалась, как море. Глаза Мелинды расширились. — Красиво, это твое? — Он покачал головой. — Не-а, — сказал он, и Мелинда подмигнула ему. — Оно твое, если ты его возьмешь. — Мелинда уставилась на ожерелье и прикусила губу. — С чего бы тебе хотеть отдать его мне? Я просто Мелинда, ничего особенного. — Я думаю, что ты очень особенная, даже больше, чем твои родственники или все остальные, кого я встречал. Ты очень умная для своего возраста, и ты говоришь все, что думаешь. Я могу сказать, что ты рассказала мне некоторые вещи, которые не рассказала бы никому другому, и ты не уверена в этом решении, — заявил он и протянул ей ожерелье. — Говорят, что это ожерелье сделано из особого металла, а жемчужина — из самой Атлантиды. Внутри находится бесконечный запас особой морской воды из специального фонтана в Атлантиде. Эта вода исцелит почти любую рану или яд всего лишь одной каплей, но, хотя она и бесконечна, ты должна использовать ее экономно. Потому что слишком много может быть плохой вещью. Особенно для кого-то, кроме тебя самой. — Я не понимаю. — Посейдон улыбнулся. — Я знаю, а ты, возможно, не поймешь, пока не станешь старше, но просто помни, что я тебе сказал. Если ты используешь воду для кого-то, кроме себя или другого такого же, как ты, используй ее экономно. — Мелинда кивнула и взяла ожерелье. — Но мои родственники никогда не позволят мне хранить его. Они заберут его и продадут или уничтожат. — Она сказала это так печально, что Посейдону захотелось отправиться на Тисовую улицу и преподать Дурслям ещё больший урок, как нельзя шутить с детьми богов. — Только не этот, его никто не увидит, пока ты сам не покажешь. Как я уже сказал, она особенная, как и ты, — сказал он, нежно погладил её по голове и встал. — Я увижу тебя снова? — спросила она, и он, обернувшись к ней, улыбнулся. — Я уверен в этом, — сказал он, помахал рукой и ушел в сторону Тисовой улицы. Ему нужно было поговорить с семьей смертных, прежде чем Мелинда вернется домой на целый день. Мелинда никогда не забывала тот день, когда получила свой второй в жизни подарок, и всегда помнила Посейдона, человека, который разговаривал с ней так, будто она была не просто пустым местом. Но в тот день произошло и кое-что другое: она не только узнала, что жемчужина действительно исцеляет её — у неё уже давно было сломано ребро, а на лице красовался синяк, и оба они были исцелены всего одной каплей воды, содержащейся в жемчужине. Она всегда замечала, что вода помогает ей чувствовать себя лучше. Ванны, которые она принимала, всегда омолаживали её, но её родственники заметили это, и с пяти лет ей разрешалось принимать только двухминутный душ. У неё было слабое воспоминание о том, как она лежала в ванне, когда была моложе, ещё до того, как смогла грамотно связать слова. Это было до того, как вокруг неё начали происходить странные вещи, до того, как её родственники стали менее терпимы к ней. Она помнила, как хихикала, плескалась, как любой малыш, когда тетя начинала мыть ей волосы. Острые ногти почти до

боли впивались в её кожу головы, когда она втирала туда шампунь. Когда она пошла ополаскивать волосы, шампунь попал ей в глаза, обжигая их. Она вспомнила боль от цветочного шампуня, а потом тетя закричала. Когда она снова открыла глаза, тетя сидела на попе, прижав руку ко рту, её водянисто-голубые глаза были широко раскрыты, а сама она была вымочена с головы до ног — как утонувшая крыса. Она подумала, что ей тогда было два или три года, и на этом любая доброта тети закончилась, а дядя всегда был на неё обижен, но до этого он ни разу не поднял на неё руку. Голос — да, но не рука. Впрочем, она всегда любила воду, и то, что её заставляли выходить в ливень, ещё ни разу не вызывало у неё тошноты. И снег тоже, хотя ей не слишком нравилось быть такой холодной. Однако вода никогда не исцеляла её в такой степени, как жемчужная вода. Она также заметила, что в течение следующего года она медленно набирала вес. Как будто вода также пыталась помочь её телу расти и не терять ещё больше веса. Возможно, это было связано и с тем, что её родственники изменились с того дня. Она не знала, что именно изменилось, но они внезапно переселили её во вторую спальню Дадли и стали давать ей больше еды. У неё все ещё были обязанности, а это почти все дела по дому и двору, но от неё больше не ждали готового ужина, хотя в большинстве дней она по-прежнему готовила для них завтрак. Ей больше не нужно было делать такие вещи, как красить сарай или выносить мусор после наступления темноты, когда меньше шансов, что кто-то из соседей выглянет в окно. Она по-прежнему работала в саду, потому что, боги свидетельствуют, Петуния Дурслей не могла сама уберечь хоть одного от смерти. Она не могла сказать, что они были добры к ней, но они не были такими недобрыми, как раньше. Дядя, все еще обиженный, не называл ее иначе, как "девочкой". Но побои, бывшие обычным делом до встречи с мистером Посейдоном, прекратились. Даже в дни, когда дядя топил горе в вине, которое хранил в фарфоровом шкафу в гостиной. Однако это не остановило издевательств Дадли, и Мели ненавидела, как он, словно хищник, вновь и вновь набрасывался на нее. Будь она не такой быстрой, его нападки оставили бы на ней шрамы, которые даже жемчужина не смогла бы залечить. Ведь Дадли был разгневан потерей второй спальни, а к тому же в пять, а то и в десять раз больше ее. В течение следующего года Мели жадно поглощала все греческие книги, которые попадались ей в руки. К ее удивлению, они давались ей легче, чем прежде. Она стремилась не только к греческим текстам, но и пыталась постичь английский язык. Но буквы словно плясали перед ее глазами, ускользая и кружась. Обычно это заканчивалось головной болью. В библиотеке, где Мели проводила часы, ее внимание привлекла помощница библиотекаря. У нее была удивительная улыбка и глаза необычного фиолетово-голубого цвета, словно фиолетовый цветок, плывущий по морской глади. Ее темные волнистые рыжие волосы струились по спине, обрамляя лицо. Мели лишь мельком видела ее, но не могла забыть. Вблизи озер, рек и других водоемов Мели замечала красивых женщин, махавших ей рукой. Сначала она решила, что сходит с ума, но они напоминали ей девушку с необычными глазами. Тогда она стала отвечать им, стараясь, чтобы никто не видел ее странные действия. Она не хотела, чтобы родственники узнали о ее "ненормальности". Почти ровно через год стали приходить письма. И Мели начала понимать, что о мистере Посейдоне и о себе самой она знает еще очень мало.